

Михаил Серёгин

# **Особенности национальной- ной милиции**

T8 RUGRAM

УДК 82-3  
ББК 84(2Рос=Рус)

**Серёгин, М.**

С32 Особенности национальной милиции / М. Серёгин. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 368 с. – (Увлекательное чтение).

ISBN 978-5-521-76134-0

На какие подвиги только не пойдешь, чтобы поймать преступников! Не ведал, не гадал курсант Зубоскалин, что ему придется превратиться в .... женщину и стать предметом вождения самого начальника милицейской школы! Герою придется справиться с матерыми байкерами, неадекватными бомжами и даже колдуньей.

BIC FC  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76134-0

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018  
© Т8 Издательские технологии, 2018

## Глава 1

Курсант Пешкодралов сладко дремал на верхней койке, свесив босую пятку.

Она покачивалась перед носом Зубоскалина, словно маятник, отсчитывающий секунды. Пешкодралову снилась деревня. Запах сена, навоза и сдобная Нюрка с мягкими грудями. Они белые-белые, а вверху загорелый треугольник от платья. Пешкодралов хотел чмокнуть Нюрку в набухший сосок, сложил губы в трубочку, потянулся вперед, но Нюрка отстранилась от него, набрала в легкие воздуха и голосом капитана Мочилова заорала:

— По-о-о-дье-ом!

Зубоскалин, он же Дирол по совместительству, не открывая еще глаз, резко сел в постели и соприкоснулся лбом с голой пяткой своего сокурсника.

Остатки сна моментально слетели с физиономии Дирола. Пешкодралов проморгался и увидел, как чиркнула и зажглась спичка в руках бывшей Нюрки, окончательно превратившейся в страдающего от похмелья Мочилова.

Трепетный свет пламени послужил сигналом, по которому все курсанты Высшей школы милиции горохом

ссыпались с коек, стараясь на лету схватить защитного цвета штаны, одновременно целясь попасть в ботинки. Нужно было успеть полностью одеться до того момента, как догорит спичка.

Такой прикол практиковал по утрам капитан Мочиллов исключительно после бурной ночи с ядерной сорокаградусной. Возможно, мысль о том, что кому-то хуже, чем ему, помогала капитану выйти из похмельного состояния.

Может быть, в нем умер садист, воскресавший только во время обезвоживания организма. В любом случае от молниеносных движений курсантов в голове у него не кружилось, а в желудке не мутило, отчего утренние издевательства с завидной регулярностью повторялись снова и снова.

Пламя готово было лизнуть неаппетитный, потрескавшийся палец Мочилова, когда четкий строй заспанных третьекурсников вырос перед ним. Лишь Федор Ганга, привыкший к размеренности и основательности, выказывал чудеса физических возможностей своего огромного тела, прыгая на одной ноге ко главе шеренги и одновременно завязывая шнурок.

Мочиллов довольно сощурил заплывшие глаза и добродушно, словно мать родная, произнес:

— На физподготовку а-арш.

Строй развернулся к двери и забухал парой десятков ног по давно вытершемуся паркету.

Во дворе ребят ждал тренер Садюкин. По непонятной причине именно сегодня в крепкое тело спортсмена закралась хворь, которая выражалась в повышенной температуре и заложенном носе. Потому в это утро Са-

дюкин говорил исключительно с французским прононсом и запахов не различал.

Тренер дал команду залиvistым свистком, и будущие стражи порядка выбежали за ворота школы нарезать круги. Солнце, сонно пробиваясь сквозь горизонт, с любопытством поглядывало на дворников, взъерошенных со сна воробьев и тяжело топающих курсантов милиции. Оно не прочь было посмотреть и еще на кого-нибудь, но в пять часов утра сложно было найти идиотов, бегущих по улицам города и застегивающих на ходу то, что не успели застегнуть, пока горела спичка.

Пешкодралов попробовал вернуть в памяти заманчивый сон, но тот почему-то не возвращался. Осталось только возбуждающее чувство мягкого в руках и воспоминание о родной деревне.

В Дрыщевке Леха так поздно вставал разве что только зимой. Это городские, нежные, все в постелях валяются. И его, кстати, Пешкодралова, приучили.

А еще на родине у Лехи в это время трава прет из земли, как ненормальная, целыми днями горланит пьяный Егорыч патриотические песни про Щорса и Гайдара. Не то чтобы круглый год Егорыч для всей деревни магнитофоном с колонками работал, а вот именно по эту пору. Потому как лошадь у него есть. А кому охота под лопату сажать? Вот и тянется к нему народ с магарычами о майскую пору, как грачи, почуявшие приход тепла.

И примета такая в Дрыщевке появилась: запел Егорыч — картошку сажать пора.

— Пешкодралов, — прервал Лехины размышления Зубоскалин.

Весь кайф мечтаний обломился, и перед глазами встали серые будни действительности, а также черная спина Федора Ганги. — Вот бегу я эти пять километров и удивляюсь: как ты мог двести пешком пройти?

— Тяга у меня была, — серьезно ответил Леха.

— Это какая тяга? — встрял в разговор один из Утконесовых, пристраиваясь к правому боку Пешкодралова. Слева вырисовался второй брат, до того точная копия первого, что понятно было: у матери Утконесовых фантазии никакой не было. Не могла хоть родинкой паршивой их различить.

— Учиться хотел. На милиционера. У нас в деревне милиционеров знаешь как уважают?

— А у нас в городе знаешь как их называют? — задыхаясь от бега, спросил Кулапудов Венька, в прошлом злостный хулиган и нехороший человек, сейчас же один из несчастных курсантов, истязаемых Садюкиным.

На третьем круге утреннего променада он успел пять раз пожалеть о том, что исправился и в доказательство пошел в школу милиции.

— Не знаю и знать не хочу.

— Жаль. А я бы мог тебе перечислить, — вздохнул Кулапудов, у которого в словарном запасе из недалекого прошлого осталось немало эпитетов, относящихся к его будущей профессии.

Пробежав мимо фасада школы, на котором большими красными буквами был написан лозунг, придуманный лично полковником Подтяжкиным: «Выметим мусор с улиц родного города», — курсанты в очередной раз призадумались: о ком это? Не найдя ответа на по-

ставленный себе же вопрос, они завернули за угол, где красовались два бачка с надписями:

«Для мусора». По всей видимости, выметать следовало именно сюда.

За углом оказались не только бачки, но и... труп. Курсанты озадаченно остановились. Мужчина средних лет в сером костюме при галстуке и в одной ботинке лежал, распластавшись, посреди беговой дорожки, мешая запланированному тренером Садюкиным утреннему моциону. Он лежал лицом вниз, отчего возраст трупа определялся лишь приблизительно. Лет этак сорок с хвостиком. Еще не высохшая красная лужица говорила о том, что мужчина убит совсем недавно.

— Поза неестественная, скорее всего его сюда подбросили, — многозначительно сказал Кулапудов и подошел ближе. — На теле следы побоев. Сопротивлялся.

— Да-а, — только и смог сказать Пешкодралов.

Федор Ганга покопался в карманах и выудил оттуда кусок мела. Со знанием дела он подошел к трупу с твердым намерением обрисовать позу убитого.

Склонился. Труп приподнял голову и мутными глазами посмотрел на Федора.

— Вот уже и черти мерещатся, — со спокойной обреченностью сказал покойник, дохнув на курсанта крепким, специфическим запахом, и бессильно уронил голову на прежнее место.

Сзади подошел Зубоскалин и положил руку на плечо Федора.

— Че ты ерундой страдаешь? Нарисуй лучше тетку на асфальте или, на худой конец, палку колбасы. У тебя

только белый мелок? Жаль, в цвете получилось бы приятнее.

— У него же кровь, — попытался загладить свой промах Ганга.

Дирол принялся и улыбнулся одной из своих широченных улыбок, за которую и получил прозвище. Эх, Голливуд по нему плачет!

— Ага, томатная.

— Черт!

А как Федору хотелось помочь в нелегком деле доблестной милиции!

Впору самому довести труп до готового состояния.

— Ну и что? Оставлять его здесь?

— А ты хотел приватизировать? — Зубоскалин любознательно взглянул на мертвеца пьяного гражданина. — Хотя ты прав, такой экземпляр упускать нельзя. Родина нам этого не простит. Пешкодралов, мы должны помогать Родине?

— Да вроде, — не понимая, к чему это клонит Дирол, туповато ответил Леха.

— Вот-вот. Ты у нас ходок отменный, будешь гонцом.

Тренер Садюкин нервно прохаживался по плацу, недружелюбно поглядывая на секундомер, словно тот был виновен в пропаже курсантов. Стрелка сделала вот уже два лишних круга, а они все не показывались из-за поворота. Садюкин чувствовал, как у него от напряжения вырабатывается вредный адреналин и коварно разливается по телу, заражая собою здоровые, вышколенные спортом и правильным питанием органы. Это нервировало Садюкина еще больше. Казалось, от волнения и болезнь усилилась. Он уже представлял

себе, какими пытками под названием упражнения он оторвется на курсантах, как вдруг один из них появился на горизонте, выказывая чудеса скорости. От такого приятного зрелища тренер прослезился.

— Тру-уп! — взревел Пешкодралов, еще на подходе к плацу.

Глаза его довольно натурально были вытаращены, словно Леха и вправду только что увидел тело не вполне живое.

Начинавшее повышаться настроение напрочь испортилось, давая простор разбушевавшемуся не на шутку адреналину.

— Около школы труп!

Такое событие на преподавательской памяти Садюкина случилось впервые.

За двадцать пять лет службы. И Садюкин растерялся.

— Какой труп?

— Мертвый.

«Резонно», — заметил про себя тренер и попытался собраться.

Получилось не очень, но во всяком случае с помощью этих усилий ему удалось сообразить, что начальству докладывать пока рано, вдруг курсанты что-нибудь перепутали. Нужно лично пойти и посмотреть, кто это там в неположенном месте валяется, нисколько не согласуясь с уставом школы.

В нем ничего не говорится о посторонних предметах у стен заведения.

Приказав Пешкодралову указывать путь, Садюкин двинулся к тому злополучному углу, где произошла трагедия. При виде открывшейся картины тренер почув-

ствовал, как у него обострился гастрит. Яркое солнце заливало тротуар, по совместительству служащий курсантам беговой дорожкой, и их самих, курсантов, копошащихся возле распростертого тела мужского пола. Ганга заканчивал эскиз контура умершего. Зубоскалин проверял пульс. Утконесовы брали кровь, растекшуюся лужицей, на экспертизу.

— Соли маловато, — заметил Антон Утконесов, сливая с пальца красную каплю.

Садюкин почувствовал, как тошнота подкатила к горлу и застряла там.

Тело не подавало признаков жизни.

— Сбила машина. Прямо на наших глазах, — доложил Кулапудов, производя замер следов от шин неизвестного автомобиля, проехавшего по асфальту, возможно, еще вчера. За неимением необходимых средств замер производился на глазок, пятерней.

Тренер, человек, храбро сражающийся с целлюлитом и циррозом печени, в данном случае никак не мог найти в недрах своей души самообладания, отчего вся его фигура уверенности в сердца посторонних не вселяла.

Самое обидное было то, что Садюкин хоть и состоял в рядах внутренних вооруженных сил, но в силу своей специальности в тонкостях сыскного дела не разбирался. Как действовать дальше, он не знал.

Единственное, что приходило в голову, это совершенно ненужная в данном случае бессмертная фраза: «А теперь Горбатый».

Серьезный Зубоскалин, мнувший запястье у трупа в поисках недостающего пульса, завидев Садюкина, произнес: